

УДК 820-3.18

АКСИОЛОГИЯ ВРЕМЕНИ В АНГЛИЙСКОЙ ПОЭЗИИ (на примере произведений Дж. Мильтона и У. Уитворта)

© 2011 г.

М.Н. Коннова

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград

maria.konnova@rambler.ru

Поступила в редакцию 18.02.2011

Рассматривается аксиологическая составляющая образа времени и языковые формы её реализации в стихотворениях Дж. Мильтона и У. Уитворта; выявляется ценностный прототип, лежащий в основе метафорических образов времени.

Ключевые слова: время, аксиология, прототип, метафора, поэтический образ мира.

Каждый народ имеет свое, именно ему присущее ценностное видение мира. Ценности определяют изнутри, из глубин индивидуально-социальной жизни культуру народа и общества, именно они становятся ядром этой культуры. Культура сохраняет единство нации, государства и общества в зависимости от степени реализации ценностей во всех сферах человеческой жизнедеятельности [1, с. 39–40]. Традиции христианской культуры, укорененные в истории английского народа, стали тем нравственным идеалом, который в течение многих столетий был главным критерием морально-этических поведенческих норм носителей английского языка [ср. 2, с. 3]. Целью настоящей статьи является выявление в контексте христианского мировосприятия аксиологического прототипа образа времени в английской поэтической картине мира на основе стихотворений Дж. Мильтона «On Time» («К времени»)¹ и У. Уитворта «Time and Death» («Время и смерть»)².

В первой строке стихотворения Мильтона³ «On Time» («К времени») стремительность движения времени подчеркивается глаголом *fly* («летать; спешить» [3, с. 303]) в начальном обращении *Fly, envious Time* и лексемами *run out* («закончить гонку» [3, с. 661]), *race* («соревнование в беге; быстрое движение; стремительный поток» [3, с. 616]). Во второй и третьей строках посредством определений *lazy [hours]* («ленивый» [3 с. 436]), *leaden-stepping [hours]* (*leaden* – «свинцовый; тяжелый» [3, с. 436]), *heavy* («тяжелый» [3, с. 359]), *plummet pace* (*plummet* «свинцовый отвес; тяжесть» [3, с. 577]) эксплицируется противоположный мотив медлительности отдельных отрезков времени (*часов* – *hours*). В мильтоновском изображении времени

объединены различные, в некоторой степени несочетающиеся метафорические образы: в совокупности три первых строки отражают парадоксальную природу *завистливого* (*envious*) времени⁴, *полёт* которого – при кажущейся тягучести отдельных часов – стремителен.

Следующая, четвертая строка, вводит метафорический образ времени-поглотителя, жадно насыщающего свою утробу (*womb* – «чрево» [3, с. 867]). Эта поэтическая метафора, характерная для англоязычного образа времени в целом (ср. устойчивое выражение *in the womb of time* – «в неизвестном будущем» [3, с. 867]) и для поэтического в частности⁵, наполняется в произведении Дж. Мильтона неожиданным аксиологическим содержанием. Объектами воздействия синонимических глаголов *to glut* («насыщать» [3, с. 333]), *to devour* («поглощать» [3, с. 214]), *to entomb* («погребать» [3, с. 263]), *to consume* («съедать, поглощать» [3, с. 167]), агенсом которых является лексема *time*, становятся вещные и признаковые слова с сугубо отрицательным прагматическим содержанием, ср. [*what is*] *false* («ложный; лживый» [3, с. 281]), *vain* («пустой, суетный» [3, с. 834]), *dross* («отбросы» [3, с. 244]), [*each thing*] *bad* («дурной, скверный» [3, с. 61]), *greedy* («жадный» [3, с. 341]). Отсутствие ценностного содержания у поглощаемых временем сущностей подчеркивается в параллельной конструкции седьмой и восьмой строк антитезой *So little is our loss/ So little is thy gain* (букв. «Столь мал наш убыток/ Столь мала твоя прибыль»).

Времени и временному миру противопоставляется во второй части стихотворения вечность (вводимая эмфатической конструкцией *long Eternity*), сущность которой, недоступная

человеческому пониманию, приоткрывается посредством ценностно насыщенных метафорических образов. «Вечность Бога Живого» [4, с. 408] предстает одушевленной, встречающей приходящего неповторимым (*individual* – «особенный» [3, с. 391]) лобзанием (*kiss*). Эта поэтическая метафора, свидетельство святой любви, восходит к апостольским посланиям: «*Greet ye one another with a kiss of charity*» (1 Peter 5: 14) / «Приветствуйте друг друга лобзанием любви» (1 Пет. 5: 14); «*Greet ye one another with a holy kiss*» (2 Corinthians 13: 12) / «Приветствуйте друг друга лобзанием святым» (2 Кор. 13: 12)⁶.

Эмфатические словосочетания [*every thing that is sincerely good* (букв. «подлинно благой», ср. [6, с. 336, 702]), *perfectly divine* (букв. «поистине божественный», ср. [3, с. 231, 559]) вводят антитезу временного – суеты и неправды – и вечного – радости (*Joy*), истины (*Truth*), мира (*Peace*) и любви (*Love*)⁷. Внезапность и полнота вечной радости подчеркиваются в стихотворении глаголом *overtake* («охватывать; застигать врасплох» [3, с. 538]) в сравнении *Joy shall overtake us as a flood* (букв. «подобно потоку, наводнению», ср.: [3, с. 301]), что делает мильтоновские строки созвучными с пятнадцатым псалмом: «*In thy presence is fulness of joy*» (Ps. 16: 11) / «*Полнота радостей* пред лицом Твоим» (Пс. 15: 11).

В шестнадцатой строке божественная сущность блага, истины, мира и любви подчеркивается метафорой *света*: *Truth, and Peace, and Love shall ever shine/ About the supreme Throne* (букв. «[И воссияют с] Истиной, и Миром, и Любовью/ У высочайшего Трона»). Этот метафорический образ – своеобразный парафраз евангельского изречения: «*Then shall the righteous shine forth as the sun in the kingdom of their Father*» (St. Matthew 13: 43) / «Тогда праведники воссияют, как солнце, в Царстве Отца их» (Мф. 13: 43).

Выражение *the supreme Throne of him* иносказательно называет Пресвятую Троицу, Престол Которой, по словам пророка Исаии, – Небо: «*Thus saith the Lord, The heaven is my throne, and earth is my footstool*» (Isaiah 66: 1) / «Так говорит Господь: небо – престол Мой, а земля – подножие ног Моих» (Ис. 66: 1). Словосочетание *whose happy-making sight* (букв. «Чей счастье приносящий взгляд», ср.: [3, с. 701]) указывает на лицезрение Господа как источник неиссякаемой радости души (*heav'nly-guided soul* – букв. «руководимой по небу», ср.: [3, с. 345, 359])⁸. Эта мысль созвучна словам Евангелия от Иоанна: «*I will see you again, and your*

heart shall rejoice, and your joy no man taketh from you» (St. John 16: 22) / «Я увижу вас опять, и возрадуется сердце ваше, и радости вашей никто не отнимет у вас» (Ин. 16: 22).

Завершается стихотворение описанием величественной победы над смертью, судьбой и временем⁹: *Attir'd with Stars, we shall forever sit./ Triumphant over Death, and Chance, and thee o Time*. Метафорический образ звездного ореола (*Attir'd with Stars*) восходит к словам ветхозаветной книги пророка Даниила: «*They that be wise shall shine as the brightness of the firmament; and they that turn many to righteousness as the stars for ever and ever*» (Daniel 12: 3) / «И разумные будут сиять, как светила на тверди, и обратившие многих к правде – как звезды, вовеки, навсегда» (Дан. 12: 3). Победа (*to triumph* – «победить; восторжествовать» [3, с. 806]) над смертью и временем становится возможной с Воскресением Иисуса Христа, Сына Божиего, и в этих строках поэт приближается к неискаженному – православному – видению воскресения, прообразом которого является воскресный день – «день вхождения в вечность» [4, с. 407]. По мысли святителя Василия Великого, «в этот день мы не рабы, подвластные законам времени; мы символически входим в Царство, где спасенный человек стоит “во весь свой рост”, участвуя в сыновстве Воскресшего» [4, с. 408].

Второе из рассматриваемых стихотворений, «Время и смерть» («*Time and Death*»), принадлежит перу малоизвестного английского автора Уильяма Уитворта¹⁰ и отражает аксиологические особенности восприятия времени англичанами второй половины XIX века.

Стихотворение открывается лаконичным утверждением *I saw old Time*, вводящим характерный для англоязычной поэзии метафорический образ времени-разрушителя: *old Time, destroyer of mankind*¹¹. В следующих двух строках внешний облик метафорического времени очерчивается посредством определений *calm* («спокойный» [3, с. 113]), *stern* («суровый, неумолимый» [3, с. 739]), *cold* («безучастный, равнодушный» [3, с. 150]) и однородных, полисиндетически объединенных сказуемых *sate* («сидел»), *shook* («встряхивал»), *turned his glass* («поворачивал свои песочные часы»), аллитерационное созвучие которых (*calm, cold, glass; stern, sate*) еще более усугубляет возникающую атмосферу отчужденной холодности. Завершает картину антитеза времени и жизни в образе песчинки жизни (*life's sands*), отдельные крупинки которых неумолимое время не замечает (*nor cared to look/ How many... were still behind*).

Соединительный союз *and* в пятой строке вводит второе четверостишие, в котором автор рисует образ смерти – метафорического *слуги* времени (*page* – «паж, мальчик-слуга» [3, с. 541]). Привычное аллегорическое изображение смерти с косою (*he took his master's scythe*) получает здесь неожиданно иное прочтение: определения *idly* [*idly smote the wind*] («праздно» [3, с. 379]), *powerless* («бессильный» [3, с. 587]) указывают на тщетность усилий смерти (*Smite on, thou gloomy one, with powerless aim!*). Определение *aghast* («пораженный ужасом, ошеломленный» [3, с. 28]) и сравнение *tremblingly like aspens o'er a brook* (ср.: *to tremble like an aspen leaf* – «дрожать как осиновый лист» [4, с. 51]), передающие семантические оттенки изумления и страха, вводят неожиданный образ смерти, стрелы которой (*dart* – «дротик, стрела, жало» [3, с. 195]) падают притупленными (*dart fell harmless*)¹². Символизирующий бессилие смерти над человеческим родом, этот образ восходит к словам Первого Послания Коринфянам св. апостола Павла: «Death is swallowed up in victory. O death, where is thy sting? O grave, where is thy victory?» (1 Corinthians 15: 54-55)/ «Поглощена смерть победою. Смерть! где твоё жало? ад! где твоя победа?» (1 Кор. 15: 54-55)¹³. Апостол обращается здесь к ветхозаветному пророчеству Исаии о воскресении Христовом и победе Спасителя над адом и смертью: «He will swallow up death in victory; and the Lord God will wipe away tears from off all faces» (Isaiah 25: 8)/ «Поглощена будет смерть навеки, и отрет Господь Бог слезы со всех лиц» (Ис 25: 8).

В следующем трехстишии за поэтическими аллегориями скрывается глубокий смысл христианского мировидения: источником (*mother*) смерти предстает грех (*Death, thou gloomy one, /... For Sin, thy mother*). Эти слова – метафорический парафраз следующего стиха Первого Послания Коринфянам: «The sting of death is sin» (1 Corinthians 15: 56)/ «Жало же смерти – грех» (1 Кор. 15: 56)¹⁴. Образ умирающего греха (*for Sin... at her dying breath*), побежденного и тем ослабившего власть смерти (*Sin... wither'd that arm, and left thee but a name*), предваряет кульминационный аккорд стихотворения, оттеняет его семантический центр – радость о воскресении Христовом.

Словами *He of Nazareth* поэт иносказательно указывает на Иисуса Христа, Сына Божия, соединившего в Себе естество Божественное и Человеческое. Назарет – город, где, по Человечеству, возростал Отрок Иисус, почему и назван был Назореем: «He came and dwelt in a city called Nazareth: that it might be fulfilled which

was spoken by the prophets, He shall be called a Nazarene» (St. Matthew 2: 23)/ «И, придя, поселился в городе, называемом Назарет, да сбудется реченное через пророков, что Он Назореем наречется» (Мф. 2: 23). Выражение *Who led captivity His captive* (букв. «Который вел пленников Своих»), восходящее к ветхозаветной книге Судей («Lead thy captivity captive» [Judges 5: 12]/ «И веди пленников твоих»), прообразовательно указывает, что Своим Воскресением Христос одержал победу над диаволом, адом и смертью – метафорически, *пленил их*¹⁵.

Уверенность в том, что Своим воскресением Господь возродил мир, даруя надежду на жизнь вечную, выражается поэтом в метафорическом образе *Hope clos'd the grave* (букв. «Надежда затворила преисподнюю»), созвучном словам Первого послания св. апостола Петра: «Blessed be the God and Father of our Lord Jesus Christ, which according to his abundant mercy hath begotten us again unto a lively hope by the resurrection of Jesus Christ from the dead, To an inheritance incorruptible, and undefiled, and that fadeth not away, reserved in heaven» (1 Peter 1: 3)/ «Благословен Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа, по великой Своей милости *возродивший нас воскресением Иисуса Христа из мертвых к упованию живому*, к наследству нетленному, чистому, неувядаемому, хранящемуся на небесах» (1 Пет. 1: 3-4). Спасение человеческого рода, которое совершил Иисус Христос, состоит в том, что «Он, воплотившийся Бог, не имеющий и тени греха, взял на Себя грехи всех людей и за них принес искупительную жертву на Кресте. Победа над смертью произошла в тот момент, когда Спаситель мира умер на Кресте. *Когда же Иисус вкусил укуса, сказал: совершилось! И преклонив главу, предал дух* (Ин. 19: 30). Что именно смертью Господь одержал победу над смертью, говорит и святой апостол Павел: *А как дети причастны плоти и крови, то и Он также воспринял оные, дабы смертью лишить силы имеющего державу смерти, то есть диавола* (Евр. 2: 14)» (Иеромонах Иов [Гумеров]) [5, с. 300].

В заключительной строке стихотворения [*He of Nazareth*] *vanquished the great conquerors, Time and Death* раскрывается центральная вероучительная истина христианства о Воскресении. Воскресение Христово – это Его (и наша через Него) победа над всяческим злом. Победа «над смертью: отныне нет смерти без конца, а лишь временное усупение, недолгий сон и для нас, ибо все воскреснем в свое время» [6, с. 97]. В стихотворении амальгамируются изречения двух новозаветных текстов: словами *vanquished* («побе-

дил» [3, с. 835]) the ... *conquerors* («завоевателей» [3, с. 165]) поэт парафрастически передает стихи Первого Послания Коринфянам св. апостола Павла: «For he must reign, till he hath put all enemies under his feet. The last *enemy to be destroyed is death*» (1 Corinthians 15: 25–26)/ «Ибо Ему надлежит царствовать, доколе низложит всех врагов под ноги Свои. Последний же *враг истребится – смерть*» (1 Кор. 15: 25–26). Мысль о победе Спасителя над смертью поэт связывает с предсказанием о конце времени, содержащимся в Откровении св. апостола Иоанна Богослова: «And the angel which I saw stand upon the sea and upon the earth lifted upon his hand to heaven, And sware ... that *there should be time no longer*» (Revelation 10: 5–6)/ «И Ангел, которого я видел стоящим на море и на земле, поднял руку свою к небу и клялся ..., что *времени уже не будет*» (Откровение 10: 5–6).

Исследование аксиологии времени в стихотворениях Дж. Мильтона «К времени» и У. Уитворта «Время и смерть» показало, что в основании ценностного восприятия времени лежит ключевое для европейской культуры христианское восприятие бытия. Надвременное событие Воскресения Христова являет собой аксиологический прототип, лежащий в основе системы временных и вневременных смысловых, ценностных, ориентиров творчества этих двух английских поэтов XVII и XIX веков.

Примечания

1. Текст стихотворения приводится по [7].
2. Текст стихотворения приводится по [8].
3. Джон Милтон (1608–1674) – один из величайших английских поэтов, автор эпической поэмы «Потерянный рай» (“Paradise Lost”), оказавший значительное влияние на становление английского литературного языка.
4. Этот метафорический образ в некоторой мере созвучен словам Послания к Ефессянам св. апостола Павла о *лукавстве дней*: «See then that ye walk circumspectly, not as fools, but as wise, Redeeming the time, because the *days are evil*» (Ephesians 5: 15–16)/ «Итак, смотрите, поступайте осторожно, не как неразумные, но как мудрые, дорожа временем, потому что *дни лукавы*» (Еф. 5: 15–16).
5. Ср. строки XIX сонета У. Шекспира: «*Devouring Time, blunt thou the lion's paws*»/ букв. «Время-поглотитель, притупи свои львиные когти» (перевод наш – М.К.).
6. Ср. также строки псалма 84: «Mercy and truth are met together; righteousness and peace have *kissed each other*» (Ps. 85: 10)/ «Милость и истина сретятся, правда и мир *облобызаются*» (Пс. 84: 10).
7. Свойства эти – дары Духа Святого, о которых пишет в Послании к Галатам св. апостол Павел: «But the fruit of Spirit is *love, joy, peace, longsuffering, gen-*

tness, goodness, faith, Meekness, temperance» (Galatians 5: 22)/ «Плод же духа: *любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание*» (Гал 5: 22).

8. Здесь поэт созвучен православному восприятию радости Царствия Небесного, ср. строки утренней молитвы святителя Василия Великого: «...Божественный чертог славы Его..., идеже [где] *празднующих глас непрестанный, и неизреченная сладость зрящих [видящих] Твоего лица доброту неизреченную*».

9. Ср. перевод Ю. Корнеева: «И где над нами станут с этих пор/ *Не властны смерть, судьба и ты, о Время!*».

10. Уильям Генри Уитворт (William Henry Whitworth) – архивариус в Рэллингхоупе (1876 год), магистр, член совета (fellow) и преподаватель (tutor) в Колледже Корпус Кристи Оксфорда (Corpus Christi College, Oxford).

11. Ср. строки стихотворения М. Робинсон (1757–1800): “*O Time... Each infant flow'r of rainbow hue./ That bathes its head in morning dew./ At twilight droops; the mountain pine./ Whose high and waving brows incline/ O'er the white cataract's foamy way./ Shall at thy withering touch decay!*” (M. Robinson, “The Reply to Time”)/ «*О время, ... Каждый крохотный цветок оттенка радуги./ Купающий лепестки свои в утренней росе./ Увядает на закате; высокогорная сосна./ Чья качающаяся в высоте крона/ Склоняется над белой пеной водопадных струй./ Погибнет от твоего иссушающего прикосновения*» (перевод наш. – М.К.).

12. Здесь поэт интуитивно приближается к православному видению Воскресения Христова: Господь «*жало греховное притупил*», т. е. ослабил силу греха, так что людям стало легче, с помощью Божией, спасти души от ада и смерти [9, с. 179], ср. слова воскресной стихиры: «Честным Твоим Крестом, Христе, диавола посрамил еси, и *воскресением Твоим жало греховное притупил еси*, и спасл еси ны от врат смертных: славим Тя, Единородне» (стихира на «Господи, воззвах», глас 5).

13. Св. апостол Павел повторяет здесь слова пророка Осии: «От власти ада Я искуплю их, от смерти избавлю их. *Смерть! где твое жало? ад! где твоя победа?*» (Осия 13: 14). В традиционной английской версии Библии короля Иакова (1611 год) книга пророка Осии имеет иной перевод («I will ransom them from the power of the grave; I will redeem them from death: *O death, I will be thy plagues; O grave, I will be thy destruction*» [Osee 13: 14]). Хотя в английском переводе между ветхозаветным и новозаветным текстами соответствие не прослеживается, прообразовательное значение пророчества – указание на победу Господа Иисуса Христа над грехом, адом и смертью – сохраняется.

14. Ср. также слова Послания Римлянам св. апостола Павла: «As by one man *sin entered into the world, and death by sin; and so death passed upon all men, for that all have sinned*» (Romans 5: 12)/ «Одним человеком *грех вошел в мир, и грехом смерть*, так и смерть перешла во всех человеков, потому что в нем все согрешили» (Рим. 5: 12).

15. О близости выражаемых У. Уитвортом мыслей православному мировосприятию свидетельствуют слова пасхального канона на церковнославянском языке: «Днесь [ныне, в этот день] всяка тварь [творение] веселится и радуется: яко [ведь, потому что] *Христос воскрес, и ад пленися. Днесь Владыка плени ада*, воздвигнувший юзники [узники], яже [которые] от века имяше [имел] люте [злобно, люто] одержимья [содержимых]» (Канон Пасхи, 9 песнь, припевы).

Список литературы

1. Шевцова Н.П. Культура как система ценностей. М., 2004. 205 с.
2. Силантьева О.В., Шиткин Максим, священник. Основы православного мировоззрения. М.: Издательство Планета 2003. 111 с.
3. Мюллер В.К. Англо-русский словарь. Изд. 14-е. М.: «Советская Энциклопедия», 1969. 912 с.
4. Лосский В.Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. Киев: Издательство им. свт. Льва, папы Римского, 2004. 504 с.
5. О вере. Православный календарь 2009. Минск: Свято-Елисаветинский монастырь, 2009. 400 с.
6. Митрополит Вениамин (Федченков). Пасха. М.: «Правило веры», 2007. 241 с.
7. John Milton. On Time// The Oxford Book of English Verse: 1250-1900/A. Quiller-Couch, ed. 1919. Режим доступа: [http:// www. bartleby.com](http://www.bartleby.com) (дата обращения: 22.03.2011).
8. William Henry Whitworth. Time and Death // A Victorian Anthology, 1837-1895/ E. C. Stedman, ed. 1895. Режим доступа: [http:// www. bartleby.com](http://www.bartleby.com) (дата обращения: 22.03.2011).
9. Дьяченко Григорий, священник. Полный церковно-славянский словарь. М.: Отчий дом, 2007. 1120 с.

TIME AXIOLOGY IN THE ENGLISH POETRY (as exemplified by J. Milton's and W. Whitworth's poems)

M.N. Konnova

The article focuses on the axiological prototype of the category of time in John Milton's «To Time» and William H. Whitworth's «Time and Death».

Keywords: time, axiology, prototype, metaphor, poetic world view.